

Н. Д. КОЧЕТКОВА

## Библейский мотив «милость и суд» в русской литературе XVIII в.

«Русская литература, — писал Д. С. Лихачев, — всегда отличалась особой серьезностью, пыталась отвечать на основные вопросы жизни, звала к ее преобразованиям, обладала разнообразными, но всегда высокими идеалами».<sup>1</sup> В XVIII в., как и в предшествовавший период, одним из средств выражения этих идеалов было использование библейских сюжетов и текстов, в особенности текста Псалтири. Стихотворные переложения псалмов, цитаты и реминисценции из них — все это оказывалось тесно связано с обсуждением насущных общественных и нравственных проблем.<sup>2</sup> Примером может служить и использование русскими писателями XVIII в. текста 100-го псалма: «Милость и суд воспою Тебе, Господи...».

Уже Феофан Прокопович сопоставлял Александра Невского с библейским Давидом, мудрым и справедливым правителем: «...могл Александр наш неложно о себе с Давидом воспевати: „Милость и суд воспою Тебе, Господи“ и прочая словеса псалма того, в котором государских должностей аки зеркало представляется» («Слово в день святого благоверного князя Александра Невского», 1718).<sup>3</sup>

Спустя девять лет Феофан Прокопович использовал этот же псалом при создании латинской «Оды Петру II» (1727), замечательной в художественном отношении и особенно интересной как одно из первых в России применений эзоповского языка.<sup>4</sup> Назвав эту оду «Парафразисом псалма 100», Феофан достаточно вольно перелагал библейский текст, придавая ему злободневный политический смысл. Весьма искусно используя текст псалма, автор обращался к юному государю с наставлением. «Судии праведного примеры покажеш, и купно образ милостивейшего государя явиши», — говорилось в прозаическом переводе оды, приложенном Феофаном к его статье «Пришествие в Новгород его императорского величества государя императора Петра Второго 1728 генваря 11 дня».<sup>5</sup> Анализируя этот прозаиче-

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X—первой четверти XVIII века // История русской литературы В 4 т. Т. 1 Древнерусская литература Литература XVIII века Л., 1980 С. 13

<sup>2</sup> См. Levitsky A. The Sacred Ode (Oda Duxovnaja) in Eighteenth-Century Russian Literary Culture Michigan, 1977

<sup>3</sup> Феофан Прокопович Соч. / Под ред. И. П. Еремина М., Л., 1961 С. 101

<sup>4</sup> См. Берков П. Н. I) Русские — новолатинские и греческие поэты XVII—XX вв. (Период первый — с 30-х годов XVII в. по 30-е годы XVIII в.) // L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves (Bruxelles) 1966—1967 Т. 18 Р. 38—42, 2) Одно из первых применений эзоповского языка в России (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1727) // Проблемы теории и истории литературы Сб. статей, посвященный памяти проф. А. Н. Соколова М., 1971 С. 74—82

<sup>5</sup> Древняя российская вивлиофика 2-е изд. 1789 Т. 9 С. 492—493

ский перевод оды и соотнося его с текстом 100-го псалма, П. Н. Берков пришел к убедительному выводу о том, что здесь содержалась «практическая политическая программа»: «одновременно это была форма и самозащиты и яростного нападения на „законопреступников“, „злых и лстивых человек“, „хитроклеветущих“».<sup>6</sup>

Заслуживает внимания восторженный отзыв В. К. Тредиаковского в «Рассуждении о оде вообще» (1734) об «Оде Петру II» Феофана Прокоповича: «В ней самое начало важно, середина великолепна и прямого энтузиазма пиитического конец удивителен и достоин во всем языка священноначальнического; а наипаче Парафразис сотого псалма, толь кстати, толь хитро, толь с мудрым избранием слов, равняющихся почти подлинных высоте, наконец, толь рассудительно и остро от его преосвященства положен, что сим самым, кажется, и Пиндара и Горация и Боало и Малгерба превзошел он и почти отнял у них всегда зеленеющий лавр лиричества. Я когда приехал из Франции в Санктпетербург, <...> лишь впервые стал читать сообщенную мне ту оду и почувствовал энтузиазм ее превосходный, то в толь великий энтузиазм удивления и сам пришел, что не мог, свидетельствуюся совестью моею, удержаться, что дважды или трижды не вскричать: „Боже мой! Как эта ода хороша и мастерски сделана!“».<sup>7</sup>

Неудивительно, что Тредиаковский, на которого ода произвела такое сильное впечатление, использовал опыт Феофана Прокоповича в собственном поэтическом творчестве. Обращаясь к Анне Иоанновне в стихах, написанных в 1730 г. к ее коронации, он предлагал ей следующую программу правления:

Правда, Благочестие Анну окружают  
Любовь к подданным, Суд и Милость  
Из всех сердец гонят унылость<sup>8</sup>

Слова «Суд» (т. е. правосудие) и «Милость» (т. е. милосердие) представляют собой не что иное, как реминисценцию из того же 100-го псалма, к которому обращался Феофан Прокопович.

Хорошо зная текст Псалтири, Тредиаковский в течение ряда лет трудился над ее стихотворным переложением, завершив его в 1753 г. Поэт давал заглавие каждому псалму и предварял свой стихотворный текст кратким прозаическим изложением его содержания. Примечательно, что 100-й псалом он озаглавил «Милость и суд» и далее разъяснял: «Сей псалом есть Извет Давида Царя, что он правил своими людьми справедливо: а особливо, что он наказывал и отдалял от себя злых, но милость являл к добрым».<sup>9</sup>

Среди псалмов, выбранных для переложения М. В. Ломоносовым, 100-й псалом отсутствует, однако его мотивы получают косвенное отражение в «Оде императрице Екатерине Алексеевне» (1762):

Услыште, судии земные  
И все державные главы:  
Законы нарушать святые  
От буйности блюдитесь вы  
И подданных не презирайте,  
Но их пороки исправляйте  
Ученьем, милостью, трудом,

<sup>6</sup> Берков П. Н. Одно из первых применений эзоповского языка в России. С. 81

<sup>7</sup> Цит. по Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге СПб., 1873. Т. 2. С. 46

<sup>8</sup> Тредиаковский В. К. Избр. произведения. М., Л., 1963. С. 55—56 (Б-ка поэта Большая сер. 2-е изд.)

<sup>9</sup> Vasilij Kirillovic Trediakovskij Psalter 1753 / Besorgt und kommentiert von A. Levitsky, Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1989. S. 257 (Biblia Slavica)

Вместите с правдою щедроту,  
Народну наблюдайте льготу,  
То Бог благословит ваш дом <sup>10</sup>

В приведенных стихах, содержащих прямое наставление царям, присутствует и тема правосудия: поэт призывает монархию к соблюдению справедливости-«правды», но одновременно напоминает ей и о «щедроте», «милости».

Эта же тема получает дальнейшее развитие в творчестве А. П. Сумарокова, в трагедиях которого проблема верховной государственной власти стала одной из центральных. В трагедии «Хорев» (1747) князь Кий размышляет о необходимости мудрого сочетания строгости и милости в правлении. Не желая сделаться тираном, он одновременно не хочет поддаваться жалости и шадить тех, кого считает врагом страны:

Потребно множество монарху проицанья,  
И если хочет он во славе быть тверд,  
Быть должен праведен, и строг, и милосерд <sup>11</sup>

Как и его предшественники, Сумароков тоже обращался к переложению псалмов. Почерпнутые из них идеи и образы постоянно присутствовали в его сознании и получали дальнейшую интерпретацию и в трагедиях и в похвальных одах. Интересующая нас формула в несколько измененном виде появилась, в частности, в его «Оде императрице Елисавете Петровне» (1743):

Тобою правда днесь сияет,  
И милосердие цветет,  
Щедрота скипетром владает  
И всех сердца к тебе влечет <sup>12</sup>

«Правда» — это и есть правосудие, «суд»; «милосердие» и «щедрота» — «милость».

Простая и вместе с тем удивительно емкая библейская формула повторялась и варьировалась не только в поэзии. Примечательно, что она появляется в наиболее злободневных публицистических произведениях Д. И. Фонвизина. Первым из них было «Слово на выздоровление великого князя Павла Петровича», написанное в 1771 г. и имевшее ярко выраженный политический характер. Говоря о всеобщей радости по поводу выздоровления наследника престола, который несколько недель был серьезно болен, Фонвизин осторожно, но недвусмысленно выражал взгляды тех, кто был оппозиционно настроен к правительству Екатерины II и возлагал надежды на Павла Петровича. Писатель высказывает свои пожелания ему как будущему правителю и, в частности, призывает: «Буди правосуден, милосерд, чувствителен к бедствиям людей, и вечно в их сердцах ты будешь обитати». <sup>13</sup> Нетрудно заметить, что здесь снова варьируется все та же формула «милость и суд», причем Фонвизин явно выделяет вторую часть: «милость», «милосердие».

Дальнейшее развитие политические идеи Фонвизина получили в знаменитом трактате, известном под названием «Рассуждение о неперемennых государственных законах», над которым писатель работал в начале 1780-х гг.

<sup>10</sup> Ломоносов М. В. Избр. произведения. Л., 1986. С. 173 (Б-ка поэта Большая сер. 3-е изд.)

<sup>11</sup> Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957. С. 356 (Б-ка поэта Большая сер. 2-е изд.)

<sup>12</sup> Там же. С. 62.

<sup>13</sup> Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2 т. М., Л., 1959. Т. 2. С. 193.

под руководством Н. И. Панина. Здесь ставится вопрос о доверии народа к государю. Чтобы заслужить это доверие и любовь, монарх должен обладать двумя основными качествами: «правотой» и «кротостью». Далее автор «Рассуждения» заявляет: «Государь ни на один миг не должен забывать ни того, что он человек, ни того, что он государь. Тогда бывает он достоин имени премудрого. Тогда во всех деяниях вмещает суд и милость». Вернувшись к исконной библейской формуле «суд и милость», Фонвизин далее кратко излагает и содержание 100-го псалма: «Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям».<sup>14</sup> Таким образом, «Рассуждение о непременных государственных законах», отражающее всестороннее знакомство автора с идеями европейского и отечественного Просвещения, имеет еще один источник, к которому по традиции обращались русские писатели, — Псалтирь. Кстати, именно к этой книге Библии Фонвизин обратился и в самом конце жизни, будучи уже тяжело болен: получив известие о смерти Г. А. Потемкина-Таврического, он написал «Рассуждение о суетной жизни человеческой», содержащее своеобразный комментарий к псалмам Давида, названного здесь «богодуховенным мужем».<sup>15</sup>

Известно, какую значительную роль играла Псалтирь в творчестве Г. Р. Державина. Его переложения псалмов — «это летопись его настроений».<sup>16</sup> Наиболее замечательный пример использования библейского текста в его гражданской поэзии — стихотворное переложение 81-го псалма — знаменитое стихотворение «Властителям и судиям».<sup>17</sup> Среди других псалмов, привлечших внимание поэта, был и 100-й. В программном произведении Державина, принесшем ему известность, — в оде «Фелица» вновь встречаем столь излюбленную русскими литераторами формулу «милость и суд». Фелица уподобляется Богу,

Которого закон, десница  
Дают и милости и суд<sup>18</sup>

Спустя несколько лет Державин непосредственно обратился к переложению 100-го псалма, акцентируя внимание на постоянно волновавшей его теме правосудия. Показательно, что стихотворение имеет заглавие «Праведный судия» (1789):

Я милость воспою и суд  
И возглашу хвалу я Богу,  
Законы, поученье, труд,  
Премудрость, добродетель строгу  
И непорочность возлюблю<sup>19</sup>

В каждой конкретной ситуации формула получала новое применение. Примечательно, что в годы начавшихся правительственных репрессий особую актуальность приобретает первая часть формулы — «милость». Когда А. Н. Радищев летом 1790 г. находился в Петропавловской крепости в ожидании смертной казни, он работал над «Житием Филарета Милостивого». Обращаясь здесь к своим детям, писатель настойчиво говорил им о

<sup>14</sup> Там же С 261—262

<sup>15</sup> Там же С 79

<sup>16</sup> Ильинский Л Из рукописных текстов Г Р Державина // ИОРЯС 1917 Т 22 кн 1 С 311

<sup>17</sup> См Lehmann U G R Derzavins Paraphrase des 81 Psalms «Властителям и судиям» Zum 150 Todestag des Dichters // Zeitschrift für Slawistik 1960 Bd 11 H 4 S 550—555

<sup>18</sup> Державин Г Р Стихотворения Л, 1957 С 103 (Б-ка поэта Большая сер 2-е изд)

<sup>19</sup> Там же С 132

«мягкосердией» как о «физическом корне добродетели»: «Милосердие, человеколюбие, благодеяние, милость будут обыкновенные души вашае движения».<sup>20</sup> Это напутствие имело достаточно широкий смысл: слова были предназначены не только для детей, но и для властей имущих, для той, в которой поэты хотели видеть «человека на троне» и «праведного судию».

Спустя два года, когда шел процесс над Н. И. Новиковым и его соратниками, Н. М. Карамзин смело выступил в их защиту со стихотворением «К Милости» (1792). Восхваляя императрицу за якобы присущие ей «милость», доброту, милосердие, поэт осторожно, но настойчиво напоминал:

Доколе всем даешь свободу  
И света не темнишь в умах,  
Пока доверенность к народу  
Видна во всех твоих делах, —  
Дотоле будешь свято чтима,  
От подданных боготворима  
И славима из рода в род<sup>21</sup>

Понятие «милость» приобретало самостоятельное значение, связь с библейским текстом постепенно утрачивалась, но порожденный им комплекс идей, имевших и конкретное политическое значение и общий нравственный смысл, — все это составило целую традицию в русской литературе XVIII в. С этой традицией непосредственно соотносятся и строки А. С. Пушкина «...И милость к падшим призывал».<sup>22</sup>

<sup>20</sup> Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М., Л., 1938. Т. I. С. 399.

<sup>21</sup> Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М., Л., 1966. С. 111 (Б-ка поэта Большая сер. 2-е изд.)

<sup>22</sup> См. Вацуро В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 305—323 (Глава 4 «„Милость“ и „правосудие“ в системе социально-этических представлений Пушкина» С. 314—319).